

© 1996 г.

Ю.А. ПУПЫНИН

УСВОЕНИЕ СИСТЕМЫ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ РЕБЕНКОМ**(ранние этапы)**

1. Вступительные замечания. Вопросы усвоения глагольных форм в русской детской речи затрагивались в ряде работ (см., например [Гвоздев 1961; Цейтлин 1989; Slobin 1966; Lehmann 1991]). Известны, в частности, утверждения о том, что первой усваиваемой формой является императив, затем в арсенал усвоенных ребенком форм включается инфинитив, а после этого почти сразу появляются временные формы. Отмечалось также, что одной из первых усваивается форма прошедшего времени. Ценные замечания, свидетельствующие, что категория вида усваивается почти безошибочно (во всяком случае по сравнению с другими грамматическими категориями), содержатся в работе С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1988].

Существует целый ряд работ, рассматривающих вопросы усвоения глагольных форм ребенком на материале других языков (см., например [Bybee, Slobin 1982; Smoczyńska 1986; Stephani (preprint); Weist 1983]).

Преобладающее количество работ по этой тематике характеризуется преимущественным вниманием к собственно формальным вопросам усвоения глагольной системы, т.е. проводится регистрация появления тех или иных глагольных форм (или групп глаголов) в различные фиксированные периоды развития ребенка, проводится статистический анализ распространения данных форм по периодам. На этом пути накоплен обширный и ценный материал.

В то же время представляется важным при анализе усвоения глагольных форм в большей мере учесть также их содержательный аспект, принять во внимание двустороннюю (формальную и семантическую) сущность глагольной системы. Именно на этом пути, как нам кажется, возможно было бы теоретическое осмысление процесса становления системы глагольных форм в детской речи. Иначе говоря, необходимо попытаться осмыслить формирование грамматической системы (или ее фрагментов) в детском языковом сознании, т.е. усвоение не только форм, но и содержательных отношений между ними, поскольку это может оказаться полезным для развития общелингвистических представлений об устройстве самого языка.

2. Гипотеза. Одна из центральных проблем, возникающих при изучении усвоения глагольных форм ребенком, состоит, на наш взгляд, в следующем. Глагольные формы во "взрослом" (конвенциональном) языке представляет собой систему, т.е. определенную целостность. Общеизвестно, что это целое не равно сумме составляющих его частей, а скорее синтез частей, который качественно отличается от простой механической суммы. Возникает вопрос: как формируется подобная целостная система в детском языковом сознании в процессе усвоения отдельных ее компонентов?

Гипотеза заключается в предположении, что усвоение глагольной системы сопровождается таким использованием отдельных форм (в разные периоды речевого развития эти формы различны), при котором они выступают в чрезвычайно широком (не свойственном конвенциональному языку) значении. Объем этого значения настолько широк, что включает в себя не только элементы содержания такой формы в конвенциональном языке, но также и элементы содержания других форм глагольной

парадигмы, еще не усвоенных ребенком. Подобные формы с расширенным содержанием мы называем формами-посредниками.

Например, известно, что на одном из ранних этапов развития детской речи инфинитив используется в значении формы настоящего времени (этот факт наблюдается в материалах из различных источников, ср.: *Мама там ниська цитать* [Гвоздев 1981 : 22] – в значении "Мама там книжку читает"). Параллельно в речи ребенка встречается инфинитив и в побудительном значении (что вполне возможно и в конвенциональном языке).

Ребенок включает в свой арсенал форму-посредник, поскольку определенная часть ее содержания им уже усвоена и ему понятна. Однако другая часть содержания формы ему еще недостаточно ясна (эта форма может использоваться взрослыми и в других речевых ситуациях). Это приводит к тому, что ребенок начинает использовать именно эту форму в случаях, когда ни одна из других уже усвоенных им форм (форм – "посредников", т.е. форм с уже стандартизованным содержанием) не подходит, а других форм (в данном случае – форм настоящего времени) в его арсенале еще нет (во всяком случае, уверенно употребить их он еще не может). Таким образом, на каком-то этапе инфинитив выполняют роль посредника между уже усвоенными и еще не усвоенными компонентами глагольной парадигмы, поскольку берет на себя функции последних. Есть и другие формы, выступающие в роли посредников на разных этапах (ниже подобные случаи рассматриваются подробнее, а предлагаемая точка зрения развивается и уточняется).

Эта гипотеза опирается на понятие сверхгенерализации [Кларк 1984; Слобин 1984]. Обычно сверхгенерализация рассматривается как явление в сфере лексической семантики, однако возможно применение этого понятия и в области семантики грамматических единиц [Clark, Carpenter 1989]. Кроме того, предлагаемая гипотеза согласуется с положением Д. Слобина о том, что "новые формы сначала служат для выполнения старых функций, а новые функции сначала выражаются старыми формами" [Слобин 1984 : 156–157].

3. Материал. В качестве основного материала использовались расшифрованные и представленные в виде компьютерных файлов магнитофонные записи Филиппа С¹. Записи проводились с возраста 1, 4, 4 до 2, 0, 3 (напомним, что в исследованиях по детской речи возраст обычно обозначается тремя числами, первое из которых обозначает количество лет, второе – количество месяцев, а третье – количество дней). Периодичность записей составляла 1 магнитофонную пленку (90 мин.) в неделю (в настоящее время сбор материала продолжается, но к моменту окончания статьи мы располагали расшифровкой данных лишь в указанных пределах).

Кроме того, привлекались также материалы, связанные с другим информантом – Варей П. Эти материалы также отражают продолжительный период развития речи ребенка (см. подробнее их анализ в работах Е.Ю. Протасовой [Протасова 1988; 1989]). Использовались, разумеется, и материалы "Дневника" А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1981]. Таким образом, имелась возможность проверить сделанные выводы и заключения на материале из трех источников.

Уже попытка предварительной периодизации и самой общей характеристики материалов Филиппа сталкивается с одной из существенных трудностей, возникающих при исследованиях детской речи. С одной стороны, изучение детской речи напоминает "полевые исследования" (например, диалектологические). Здесь также есть информанты, из речи которых извлекаются сведения о языковой системе. С другой стороны, в процессе продолжительного наблюдения над речью одного и того же информанта необходимо учитывать, что эта языковая система постоянно изменяется, находится в процессе становления, в динамике. Иначе говоря, необходимо признать, что изучение

¹ Этот материал собирается в рамках международного научного проекта "Пре- и протоморфология", возглавляемого проф. В. Дресслером. С российской стороны в проекте участвуют М.Д. Воейкова (ИЛИ РАН), Е.Ю. Протасова и С.Н. Цейтлин (РГПУ им А.И. Герцена).

детской речи – это особый тип диахронического исследования². Причем это достаточно быстрая, "стремительная" диахрония, что создает дополнительные трудности. Как и в диахронических исследованиях, здесь приходится делать синхронические (синхронные) срезы, рассматривая развитие языковой системы как цепочку языковых состояний. Однако специфика детской речи состоит в том, что такие статические срезы делать особенно сложно именно в силу стремительности языкового развития (хотя без них, по-видимому, не обойтись). Поэтому необходимо заранее предупредить читателя, что приведенные ниже соображения по поводу различных стадий становления системы глагольных форм, конечно, могут иметь дискуссионный характер.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы записей Филиппа возможно (достаточно условно) разделить на две группы, соответствующие двум периодам: 1) период с возраста 1, 4, 4 и до 1, 7, 11; 2) период с возраста 1, 7, 12 и до 2, 0, 3. Это деление приблизительно соотносится с границей между однословными и двусловными высказываниями.

Первый период представляет примеры различных вербоидов (звукоподражаний, слов из "языка нянь", а также глагольных "прообразов" инфинитива и императива – "псевдоинфинитива" и "псевдоимператива", еще практически не противопоставленных друг другу). Используя концепцию пре- и протоморфологии В. Дресслера [Dressler 1994; Dressler, Karpf 1995], можно было бы назвать эти первые подобию глагола "преформами", в частности "преинфинитивом" и "преимперативом". Лишь в конце этого периода имеются свидетельства формирования оппозиции инфинитив/императив.

Второй период представляет примеры первых форм прошедшего и настоящего времени и постепенного становления оппозиции инфинитив/императив/спрягаемые формы. Это становление происходит на фоне продолжающегося параллельного использования звукоподражаний и слов "языка нянь".

4. Анализ материалов первого периода. Одна из существенных проблем, встающих при изучении ранних этапов усвоения системы глагольных форм, – это проблема точки отсчета. Не вполне ясно, от чего отталкиваться в поисках глагольных преформ, тех прообразов, на основе которых позднее возникают сами формы. Иначе говоря, что считать началом усвоения системы глагольных форм?

Не раз отмечалось, что первой формой, усваиваемой ребенком, является императив. Однако те первые подобию императива, которые встречаются в детской речи, обладают очень широкой семантикой и существуют еще в том периоде, когда не противопоставлены имя и глагол. Так, А.Н. Гвоздев отмечает, что императив "пиши" мог употребляться в значении существительного "карандаш" [Гвоздев 1981 : 20]. Имеются и обратные примеры, когда подобие имени может употребляться в значении побуждения к действию. Ср., например, эволюцию слова *бати* в речи Вари, когда это слово ассоциировалось не только с ботинками, но и с прогулкой, с выходом на улицу. Произнесенное с соответствующей интонацией, оно могло означать "пойдем гулять". Оно могло также служить ответом на вопрос: "Где бабушка?" – *бати*, т.е. "ушла".

Разумеется, в рассматриваемый период вряд ли возможно считать подобный императив (т.е. "псевдоимператив") нормальным языковым знаком, поскольку не возникла другая грамматическая форма, составляющая с ним системную оппозицию. Лишь тогда, когда в детской речи начинают встречаться императив и инфинитив, существенно отличающиеся друг от друга, можно говорить об императиве.

Это различие начинает формироваться в конце первого периода, и тогда, очевидно, можно говорить о начале усвоения глагольных форм как системы. Иначе говоря, система начинает свое становление не с усвоения материальных звуковых комплексов

² Попытки увидеть в материалах детской речи подобие филогенетической диахронии предпринимались многократно. Однако в данном случае для нас важно, что это различные явления. Онтогенетическая диахрония обладает собственной спецификой, в частности имеет совершенно иные временные масштабы, что позволяет ей вступать в особое соотношение с синхронией.

(как бы они ни были похожи на соответствующие формы), а с усвоения упорядоченных семантических различий между ними.

Однако в начале первого периода данные о противопоставлении инфинитива императиву отсутствуют, и приходится прибегать к иным способам описания существующей картины.

На начальном этапе, как представляется, нужно исходить из возможности выделить два типа ситуаций, в которых ребенок использует речь: 1) побудительные ситуации и 2) непобудительные ситуации. Ситуации первого типа являются маркированными; как правило, их можно выделить достаточно уверенно (этот тип близок к "аттрактивным" высказываниям, о которых пишет Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1991 : 158]). Ситуации второго типа являются немаркированными; во многих случаях мы не можем определенно судить, имеют ли они повествовательный, или описательный, или вопросительный характер; нельзя также исключить и косвенного побуждения (о неизбежном субъективизме в этой области см. [Голод, Шахнарович 1982 : 260]). Особое положение побудительных ситуаций вполне соответствует особому статусу категории императива в конвенциональном языке, противопоставленной по принципу привативной оппозиции всем другим наклонениям [Jakobson 1932].

Наиболее вероятной представляется реализация первых глагольных форм в побудительных ситуациях; это подтверждается и самим материалом. Практически любое слово, используемое в ситуациях данного типа может претендовать на то, что оно является вербоидом (в конвенциональном языке императивные конструкции, как правило, содержат глагол; случаи типа "Руку!" или "Быстрее!" обычно объясняются редуkcией, которая легко восстанавливается).

Слова, используемые ребенком в побудительных ситуациях, мы относили к псевдоимперативу или псевдоинфинитиву – в зависимости от фонетического сходства.

На основе анализа непобудительных ситуаций выделяются вербоиды других типов, в частности "псевдоиндикатив".

В побудительных ситуациях, представленных в первом периоде (в его наиболее ранних стадиях), преобладают такие, в которых ребенок требует, чтобы ему дали определенный предмет (реже – выполнили бы определенное действие). В нашем материале абсолютно преобладает глагол "дать".

Не всегда имеется достаточно оснований считать *дать*, *даля* "вербоидом" (прообразом инфинитива "дать"). Так, например, в случае

(1) *баба дядя даля даля* (1, 4, 5),

это пример скорее звукоподражания, поскольку в данном случае, в частности, нет побудительной ситуации. Однако в примере:

(2) *дать даля* [мама поднимает игрушку] (1, 5, 19), – "дать" можно рассматривать как вербоид, поскольку здесь в высокой степени вероятна реализация функции побуждения к действию, которую вполне способен выполнять конвенциональный инфинитив.

С другой стороны, в побудительной ситуации слово *чик* может рассматриваться как вербоид (например, как заместитель глагольного императива "включи"):

(3) *чик* [Филипп хочет, чтобы включили магнитофон] (1, 5, 19), несмотря на то что в других ситуациях это слово может выражать значение, близкое к значению существительного ("магнитофон").

Представленный в этом периоде *дать*, *даля* – это "псевдоинфинитив", фонетически сходный с конвенциональным инфинитивом, но не имеющий пока абсолютно соответствующих ему семантических функций и не противопоставленный другим глагольным грамматическим формам. Он встречается в трех разновидностях: *дать*, *даля*, *ать*.

Параллельно, но значительно реже в побудительных ситуациях используется псевдоимператив *дай*.

Ср. также особый вербоид *да* (с возможной редукцией "й/ть"), который можно охарактеризовать как "псевдоимператив/псевдоинфинитив", поскольку недостаточно ни фонетических, ни семантических оснований для их различения. Этот пример также свидетельствует, что оппозиция императив/инфинитив на данном этапе еще не может считаться сформированной, поскольку оба вербоида зафиксированы в однотипных побудительных ситуациях (ниже мы вернемся к проблеме формирования данной оппозиции).

Примеры других императивов, встречающихся в первом периоде: *сядь* (1, 5, 24); *дись* ("садись") (1, 5, 28). Ср. также:

(6) *ади их и ади* [модифицированное "уйди" в ситуации, когда Филипп хочет, чтобы кот Фантик ушел] (1, 6, 1);

(7) *айда мама* [модифицированное "отдай"] (1, 6, 1).

Имеется интересный пример комбинации инфинитива и императива в одном и том же высказывании:

(8) *пути* [мать держит Филиппа за руку, а он говорит "пусти"], *дати пути-пути* "дать, пусти, пусти" (1, 6, 24).

Интересно, что здесь обе формы конкурируют в маркировке побудительной ситуации. Этот факт также соответствует отсутствию противопоставленности инфинитива императиву.

В материалах первого периода встречаются также примеры использования вербоида *на*, имеющего разговорный аналог в конвенциональном языке. Наконец, встречается также смещение *дай* и *на*, которое является довольно типичным для этой степени [Онипенко 1992 : 107–108].

Отметим, что на роль "повествовательных" вербоидов (т.е. на роль "псевдоиндикатива") в рассматриваемый период могут претендовать слова так называемого "языка нянь" (*бух. бо-бо* и т.д.), поскольку они используются в значении констатации происходящего в момент речи события/состояния. Разумеется, в этом периоде нет никакого разграничения псевдоиндикатива по временам (хотя бы потому, что индикатив конвенционального языка способен выступать в подобном значении как в форме настоящего времени НСВ, так и в форме прошедшего времени СВ с перфектным оттенком [Бондарко 1971 : 97]). Например:

(9) *ба-бах-бах-бах* [падает с кровати игрушечная кошка] (1, 5, 29);

(10) *а-а бо-бо* ["носику больно/носик болит/носик заболел" – показывает на свой нос] (1, 5, 29).

Таким образом, материалы первой группы свидетельствуют о том, что на самом раннем этапе группировка глагольных форм (точнее, вербоидов) представляет собой два компонента: 1) "побудительные формы", т.е. "псевдоинфинитив", "псевдоимператив" и "псевдоимператив"/"псевдоинфинитив" типа *да[й/ть]* и 2) "непобудительные формы" ("псевдоиндикатив"), т.е. звукоподражания и слова "языка нянь". Термин "система" для данной группировки, очевидно, был бы неточным, поскольку побудительные и непобудительные формы противопоставлены недостаточно четко; они не связаны словоизменительными отношениями и имеют различные основы. Имеются также случаи, когда слова "языка нянь" используются в побудительной ситуации (ср. приведенный выше пример со словом *чик*), что также ослабляет противопоставленность указанных компонентов. Наши данные не подтверждают распространенного мнения о том, что первой усваиваемой глагольной формой является императив [Гвоздев 1961 : 177]. В наших материалах гораздо шире представлен инфинитив.

Как уже отмечалось, лишь в конце первого периода намечается противопоставление императива инфинитиву, которое проявляется в том, что последний начинает употребляться и за пределами побудительных ситуаций. Окончательно (формально и семантически) эти формы дифференцируются в начале второго периода.

5. Анализ материалов второго периода. Дальнейшее развитие вербоидной систе-

мы складывается следующим образом. Расширяется состав императивов, например:

(11) [мама:] *сейчас принесу тебе молоко*. [Филипп:] *неся "неси"* (1, 8, 26);

(12) [мама:] *вставай*. [Филипп:] *тянь, мама "встань"* (1, 9, 12);

(13) *мишка, ляжь* ["ляг", обращается к игрушке] (1, 11, 15).

Нужно отметить, что императив не встречается за пределами побудительных ситуаций.

Нам встретился только один случай, когда в непобудительной ситуации, сходной с "настоящим актуальным", встретилась форма, похожая на императив:

(14) *...киса, миши бежи бежи бежи* [рассматривает картинку, изображающую бегущих кошку и мышей] (1, 9, 8), однако в этом случае возможна также трактовка данного образования как редуцированной формы настоящего времени.

Параллельно с императивом в побудительных ситуациях могут встречаться слова "языка нянь", например *бай* ("спи"/"спать"/"спит"/"сплю"), ср.:

(15) *иди и бай и бай и бай* (1, 7, 22).

Ср. также использование в роли императива "дай" слова *ням*:

(16) [мама:] *это кубик*. [Филипп:] *ням, мама "дай, мама"* (1, 7, 21).

Таким образом, можно отметить, что продолжается интенсивная конкуренция различных слов в маркировке побудительных ситуаций. В то же время на фоне этой конкуренции намечаются четкие различия между императивом и инфинитивом. Инфинитив продолжает употребляться в побудительных ситуациях, однако достаточно широко используется и за их пределами, т.е. происходит расширение его функций.

Здесь выделяется два типа случаев:

I. Ситуации настоящего актуального, например:

(17) *бегать, прыгать* [Филипп играет на кровати: бегает, прыгает] (1, 9, 22).

В данном случае можно говорить о ситуации типа настоящего актуального, поскольку называются действия, осуществляющиеся в момент речи. Такое использование инфинитива достаточно типично для русской детской речи, ср. приведенный выше в разделе 2. пример из "Дневника" А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1981], ср. также примеры из речи Вари:

(18) *Варенька играть* (1, 6, 5).

Таким образом, формирующая оппозиция может быть охарактеризована как привативная: императив регулярно выражает семантический признак побудительности, между тем как инфинитив нейтрально относится к передаче данного признака, т.е. может как выражать его (при наличии определенных ситуативно-речевых условий), так и не выражать. Императив при этом выступает как маркированная форма, а инфинитив – как немаркированная. Отметим, что и в конвенциональном языке, с точки зрения признака побудительности, отношения императива и инфинитива также могут расцениваться как привативные. Однако особенность детской речи состоит в том, что инфинитив на рассматриваемом этапе употребляется в более широком значении; в конвенциональном языке самостоятельный инфинитив практически не используется для обозначения действий, совершающихся в момент речи (в значении настоящего актуального). Употребление ребенком инфинитива, а не императива для использования в непобудительных ситуациях представляется закономерным: вполне естественно, что именно немаркированная форма используется для освоения новых семантических пространств. Тем самым инфинитив становится формой-посредником между императивом и еще не усвоенной частью глагольной парадигмы.

II. Второй вариант "выхода" инфинитива за пределы побудительности проявляется во вполне конвенциональном его использовании в конструкциях с глаголом "хотеть", например:

(19) *пить хочу* (1, 9, 18).

В таких случаях инфинитив обозначает желаемое действие, осуществление которого

зависит от предварительного действия взрослого, т.е. использование инфинитива может рассматриваться как косвенно-побудительный акт. Иначе говоря, "пить хочу" имеет значение "сделай так, чтобы я пил". Появление подобных конструкций означает такой шаг в усвоении конвенциональной системы глагольных форм, значение которого трудно переоценить.

Ситуация, обозначенная конструкцией "хочу + инфинитив", имеет целый комплекс модальных и темпоральных семантических признаков, которые могут по-разному актуализироваться в зависимости от прагматических задач говорящего. Эксплицитно в ней реализован семантический признак настоящего времени индикатива модального глагола ("раньше не хотел, а сейчас хочу"). Однако действие, обозначенное инфинитивом, не относится к настоящему, оно относится к семантическому плану будущего, – таким образом, имплицитно данная ситуация содержит также семантический элемент будущего времени. Наконец, кроме элемента индикативной модальности, здесь содержатся также элемент оппозитивности, представленный в лексическом значении глагола "хочу", и элемент косвенной побудительности, о котором уже шла речь выше. Таким образом, усвоение данной конструкции и данного семантического комплекса открывает ребенку целый ряд путей в сложную систему темпоральных и модальных оппозиций русского глагола.

Говоря более конкретно, происходит следующее:

1) возникает первый сопоставимый с конвенциональным "преиндикатив" настоящего времени "хочу";

2) формируется семантическая оппозиция "прямое побуждение/косвенное побуждение" типа "пить/хочу пить";

3) усваивается новая синтаксическая позиция – "зависимый инфинитив". Данная позиция позволяет ребенку приобрести опыт синтагматической комбинации глагольных форм, что, несомненно, также способствует становлению глагольной грамматической системы.

4) усвоение таких конструкций позволяет также дифференцировать субъектов обозначаемого действия (если сравнивать данные конструкции с теми же инфинитивами в независимом употреблении). Отметим, что в предыдущем периоде псевдоинфинитив, используемый в побудительной ситуации, мог обозначать как действие слушающего ("дать"), так и действие самого ребенка ("пить") (в последнем случае также можно видеть имплицитированное "дать": "дать пить"). Однако ряд глаголов мог приводить к омонимии субъектов: *читать, нимать* "снимать" могли обозначать как требование к взрослому выполнить данное действие, так и требование предоставить возможность ребенку самому выполнить данное действие (в той мере, в какой он его понимает). Формирование конструкций с "хочу + инф." и параллельно императива позволяет различать случаи, когда *нимать* означало "снимай (мне ботинки)", и случаи, когда *нимать* означало "хочу снимать ботинки". Заметим попутно, что между инфинитивом и императивом теперь возможны словоизменительные отношения (*нимать – нима́й*).

Итак, способность инфинитива выступать за пределами побудительных ситуаций позволяет говорить о формировании первого системного противопоставления: императив/инфинитив.

Вообще, оппозиция императив/инфинитив как первая системная оппозиция наблюдается в речи всех трех источников, и, как кажется, может рассматриваться как глагольная протосистема в русском онтогенезе.

Кроме дальнейшего развития императива и инфинитива, во втором периоде встречаются также факты использования форм нового типа: 1) форм прошедшего времени и 2) форм настоящего времени. Рассмотрим кратко оба этих случая.

1) Первые формы прошедшего времени обычно передают перфектное значение. Например:

(20) *кису калясь сел* [кошка села на колесо (машины)] (2, 0, 3);

(21) *купила ваий* [вафли]? (1, 9, 20).

На наш взгляд, это обусловлено когнитивными закономерностями: поскольку в центре внимания ребенка прежде всего настоящее актуальное, то естественным представляется усвоение сначала таких элементов прошедшего (и будущего), которые тесно связаны с настоящим [Пупынин 1994]. Формы прошедшего времени в перфектном значении обычно указывают на состояние в настоящем, явившееся результатом действия в прошлом. В контексте часто встречается форма настоящего времени, например:

(22) [мать:] ...*дядя. На чем он едет?* [Филипп:] *приехал* (1, 11, 23).

Ср. также пример из речи Вари:

(23) *это банка, это банка, это банка лежит, упала* (1, 7, 14).

В конвенциональном языке формы совершенного вида в прошедшем времени могут выражать перфектное значение, однако для этого требуются специальные условия (ситуативно-речевые, контекстуальные, лексические). В детской речи на рассматриваемом этапе ее развития происходит категоризация перфектного значения в содержании форм на *-Л*: т.е. данные формы на протяжении какого-то периода маркируют перфектную ситуацию. Нам не встретилось в речи Филиппа ни одного "чистого" случая выражения аористического значения.

Категория вида на данном этапе опирается на противопоставление временных форм: ситуации настоящего (актуального) – имперфектив (НСВ), ситуации прошедшего (перфектного) – перфектив (СВ).

Отметим также, что в конце рассматриваемого периода зафиксированы первые формы будущего времени (имеется в виду прежде всего простое будущее, представленное глаголами СВ). Они обозначают действия, близкие во времени к ситуации момента речи, т.е. наступающие или ожидающиеся обычно непосредственно после нее, ср.:

(26) *Филя поедет, Фил, Фил поедет* [Филипп сел на велосипед] (2, 0, 3).

Нужно подчеркнуть, что первые формы будущего времени также представлены совершенным видом. Таким образом, речь идет о возможном существовании в течение краткого времени в онтогенетическом плане "примитивной" (но достаточно изящной) семантической оппозиции:

СВ
прош. вр.

НСВ
наст. вр.

СВ
буд. вр.

Становление этой оппозиции и ее дальнейшее преобразование мы надеемся рассмотреть подробнее при анализе новых материалов речи Филиппа, которые сейчас расшифровываются.

Формальная репрезентация вида в этот период еще недостаточно развита. В некоторых примерах неясно, в каком виде глагол употреблен, ср.:

(27) *все билось* [вероятно, "все разбилось"] (1, 9, 20).

Однако сама перфектная ситуация указывает, что скорее всего использован редуцированный глагол совершенного вида. Мы можем сделать также более сильное предположение о том, что на данном этапе несовершенный вид в форме прошедшего времени также выражает перфектное значение (в конвенциональном языке это очень редкие и специальные случаи). В частности, глаголы обоих видов могут встречаться параллельно в перфектном контексте:

(28) [мама:] *съел ее?* [Филипп:] *съел – ел* (1, 9, 20).

Приведем также примеры из речи Вари, демонстрирующие близкое к перфектному (и не вполне конвенциональное) употребление форм НСВ прошедшего времени:

(29) *от она изяя каняку исааа* ["рисовала", т.е. вот он, оранжевый карандаш, который это рисовал] (1, 6, 5).

Для конвенционального русского языка такое употребление НСВ не вполне типично: несовершенный вид гораздо чаще обозначает действие в прошлом, не имеющее прямой связи с настоящим актуальным (исключение составляет особый вариант обобщенного факта, ср.: *Он много видел на своем веку*). Таким образом, в

приведенном выше примере более типичным было бы использование совершенного вида: "Вот оно, что нарисовал оранжевый карандаш". Использование имперфектива в принципе возможно, но тогда ситуация совершенно иная: переключается внимание на прошлое (ср., например: *Вот оно, что рисовал оранжевый карандаш, когда шел дождь, и мы весь вечер сидели дома...*). Представляется правдоподобным следующее утверждение: если ребенок на этом раннем этапе использует форму прошедшего времени на -л, то речь идет об определенном событии в прошлом, тесно связанном с настоящим и проявляющем в момент речи существенные последствия.

В следующем примере:

(30) *Плюти у Вареньки мама ходили купить* [(у Вари игрушка – собака Плюти)

Плюти с мамой купили/ходили покупать] (1, 6, 5) неконвенциональное употребление имперфектива "ходить" с перфективом "купить" создает эффект перфектной семантики у всей конструкции в целом, в том числе у имперфектива. Таким образом, в прошедшем времени пока отсутствует четкое противопоставление "перфектив: имперфектив", и в семантике прошедшего времени, как уже отмечалось, преобладает перфектная тенденция.

2) Первые формы настоящего времени сразу же составляют сильную конкуренцию инфинитиву в обозначении ситуаций, включающих момент речи. Примеры:

(31) *майит* "моет" (2, 0, 3);

(32) *тетя у машины сидюк* ("сидит") (2, 0, 3).

Поскольку формы настоящего времени в русском языке являются вместе с тем и личными формами, то с их появлением начинается усвоение категории лица. Здесь отмечается хорошо известная исследователям особенность: преобладает форма 3-го лица, которая может обозначать действие любого лица, в том числе самого говорящего [Jakobson 1932]. Например:

(33) [Филипп:] *а Филя сидит, а мама сидит, баба сидит* (2, 0, 3);

(34) [Варя:] *Аинька ни хотит* "Варенька не хочет" (1, 6, 5).

В принципе в этот период могут встречаться и формы 1-го лица, например:

(35) [Филипп:] *хочу маши* [игрушечную машину] (2, 0, 3).

Иногда действия говорящего обозначаются формой 2-го лица:

(36) [мать:] *ножку просовываешь?*

[Варя:] *ножку просовываешь* [сама просовывает ногу] (1, 6, 5).

Недостаточная усвоенность категории лица подтверждается наличием таких маркеров настоящего времени, которые отличаются от конвенциональных (синкретически выражающих вместе с настоящим временем и лицом):

(37) [Филипп:] *сидя, сидя* [сизу, сизу] (2, 0, 3).

Тем не менее чаще всего в данный период для обозначения действий и состояний говорящего используются формы 3-го лица, которые могут рассматриваться, таким образом, как формы-посредники в усвоении категории лица. Мы хотели бы подчеркнуть, что, как и в случае с формированием оппозиции императив/инфинитив, функция посредника возлагается на семантически немаркированную (по сравнению с конвенциональными формами 1-го и 2-го лица) личную форму, которая используется в значении, типичном для других форм, пока они еще не усвоены ребенком.

Параллельно глагольным формам в значении настоящего времени продолжают использоваться слова "языка нянь" и звукоподражания, например:

(38) [Филипп:] *а там кап* "а там капает" (1, 8, 29).

6. Выводы. В процессе усвоения системы глагольных форм ребенок сталкивается с необходимостью морфологически маркировать все новые ситуации, участником которых он становится (речь идет прежде всего о маркировании стержневого компонента ситуации, т.е. действия). Он вынужден использовать для этой цели те морфологические формы глагола, которые он уже усвоил. При этом его языковая стратегия состоит в том, чтобы применять в новых ситуациях ту глагольную форму, которая употреблялась в наиболее широком наборе уже знакомых ситуаций (т.е. которая

является семантически наиболее вариативной). Как правило, это та морфологическая форма, которая выступает как семантически немаркированный член конвенциональных грамматических оппозиций (именно такие формы обладают наиболее емкой семантикой).

На первом этапе усвоения нового круга ситуаций такая форма (ее мы называем формой-посредником) часто выходит в своем содержании за семантические границы, очерченные конвенциональной системой.

В частности, в речи Филиппа (в первом периоде) наблюдались две формы: императив и инфинитив, конкурирующие в маркировании побудительных ситуаций, которые преобладали в сфере его речевого общения. Затем в маркировании расширяющегося круга непобудительных ситуаций принимает участие инфинитив (по отношению к семантическому признаку побудительности он немаркирован, в то время как императив маркирован). Инфинитив оказался способным обозначать даже ситуации "настоящего актуального".

Сходная картина обнаруживается при усвоении форм настоящего времени. Эти формы предоставляют поначалу детскому языковому сознанию слишком много возможностей, поскольку, кроме ситуаций настоящего актуального, они маркируют также еще и отношения действия к лицу, т.е. являются личными. В усвоении этой достаточно сложной подсистемы ребенок отдает предпочтение формам 3-го лица как семантически нейтральным, немаркированным по отношению к признакам "говорящий" (1-е лицо) и "слушающий" (2-е лицо). Именно этими формами он маркирует сначала настоящее время (по-видимому, это продолжается до тех пор, пока эти ситуации остаются новыми для детского языкового сознания). Таким образом, форма 3-го лица в данном случае выступает как форма-посредник в усвоении всей подсистемы личных форм настоящего времени.

Несколько иначе происходит усвоение форм прошедшего времени. В качестве основной формы (и семантики) для маркирования ситуаций прошедшего времени используется прошедшее совершенное; более того, имеются определенные основания полагать, что идея перфектной семантики в рассматриваемый период связывается в детском сознании с формой на -л вообще, независимо от того, совершенный или несовершенный вид употреблен в данной форме. Между тем в конвенциональном языке при употреблении форм прошедшего времени перфектная семантика занимает сравнительно узкое и специфическое место (основное место принадлежит признаку предшествования моменту речи).

Причины этого отклонения от общей стратегии усвоения (выбирать формы в нейтральном, "немаркированном" значении) обусловлены общими закономерностями развития детского сознания. В первом детском опыте осмысления времени ситуации настоящего актуального являются центральными, между тем как прошедшее и будущее осознаются лишь постепенно и лишь по мере их связи с настоящим. Поэтому первоначально в формах прошедшего времени представлен совершенный вид, в системном содержании которого, кроме семантического элемента целостности действия, имеется еще семантический элемент "скачка", связи между предшествующей и последующей ситуациями [Маслов 1948; Барентсен 1983; Бондарко 1993]. Перфектная семантика форм совершенного вида в прошедшем времени представляет наиболее простой и яркий пример этой связи.

В заключение отметим, что открытость, "мягкая" структура системы глагольных форм, допускающая возможность различных транспозиций, употребление одних форм в значениях других, может рассматриваться как важное условие существования данной системы. То, что в конвенциональной системе представлено только как возможность, реализуемая лишь в строго определенных ситуациях, ребенок воспринимает как общий принцип и благодаря этому достаточно плавно переходит от одних фрагментов системы к другим в процессе усвоения.

- Барентсен А.А.* 1973 – "Вид" и "время" в предложениях, содержащих слово ПОКА // Dutch contributions to the Seventh international congress of slavists. Warsaw, August 21–27, 1973 / Ed. by A. Van Holk. The Hague; Paris, 1973.
- Бондарко А.В.* 1971 – Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М., 1971.
- Бондарко А.В.* 1993 – Глагольный вид в высказывании: признак "возникновение новой ситуации" // Russian Linguistics. 1993. V. 16.
- Гвоздев А.Н.* 1961 – Формирование у ребенка грамматического строя русского языка // А.Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
- Гвоздев А.Н.* 1981 – От первых слов до первого класса (Дневник научных наблюдений). Саратов, 1981.
- Голод В.И., Шахнарович А.М.* 1982 – Семантические аспекты порождения речи // Семантика в онтогенезе речевой деятельности // ИАН ОЛЯ. 1982. № 3.
- Кларк Е.В.* 1984 – Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. М., 1984.
- Кубрякова Е.С.* 1991 – Проблемы онтогенеза речевой деятельности // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.
- Маслов Ю.С.* 1948 – Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1948. Т. 7. Вып. 4.
- Онипенко Н.К.* 1992 – Первые речевые акты: обращение и побуждение в речи ребенка // Детская речь: лингвистический аспект. СПб., 1992.
- Протасова Е.Ю.* 1988 – Развитие семантической связности диалога "мать – ребенок" // Семантика в речевой деятельности. М., 1988.
- Протасова Е.Ю.* 1989 – О некоторых аспектах номинации в детской речи // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
- Пупынин Ю.А.* 1994 – О темпоральной структуре детской речи // Проблемы детской речи. Материалы межвузовской конференции. СПб., 1994.
- Слобин Д.И.* 1984 – Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М., 1984.
- Цейтлин С.Н.* 1988 – Категория вида русского глагола в онтогенезе // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. Л., 1988.
- Цейтлин С.Н.* 1989 – Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка). Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1989.
- Bybee J.L., Slobin D.I.* 1982 – Rules and schemas in the development and use of the English past tense // Language. 1982. V. 58. № 2.
- Clark E.V., Carpenter K.L.* 1989 – The notion of source in language acquisition // Language. 1989. V. 65. № 1.
- Dressler W.U.* 1994 – Evidence from the first stages of morphology acquisition for linguistics theory: extragrammatic morphology and diminutives // Acta linguistica Hafniensia. Linguistic studies in honour of Jorgen Rischel. V. 27. Pt. 1. 1994.
- Dressler W.U., Karpf A.* 1995 – The theoretical relevance of pre- and protomorphology in language acquisition // Yearbook of morphology. 1994.
- Jakobson R.* 1932 – Zur Struktur des russischen Verbums // Charisteria Guilermo Mathesio ... oblata. Pragaе, 1932.
- Lehmann V.* 1991 – Terminativität als Sonderfunktion des ipf. Aspect // Slavistische Linguistik 1991. Referate des XVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Slavistische Beiträge. Bd. 292. München, 1991.
- Slobin D.I.* 1966 – Acquisition of Russian as a native language // The genesis of language. Psycholinguistic Approach / Ed. by F. Smith and G.A. Miller. Cambridge (Mass.); London, 1966.
- Smoczyńska M.* 1986 – The acquisition of Polish // The crosslinguistic study of language acquisition. V. 1. / Ed. by D.I. Slobin. Hillsdale (New Jersey); London, 1988.
- Stephani U.* (preprint) – The acquisition of Greek // The crosslinguistic Study of Language Acquisition. V. 4. / Ed. by D.I. Slobin. Hillsdale (New Jersey); London (в печати).
- Weist R.M.* 1983 – Prefix versus suffix information processing in the comprehension of tense and aspect // Journal of child language. 1983. № 10.